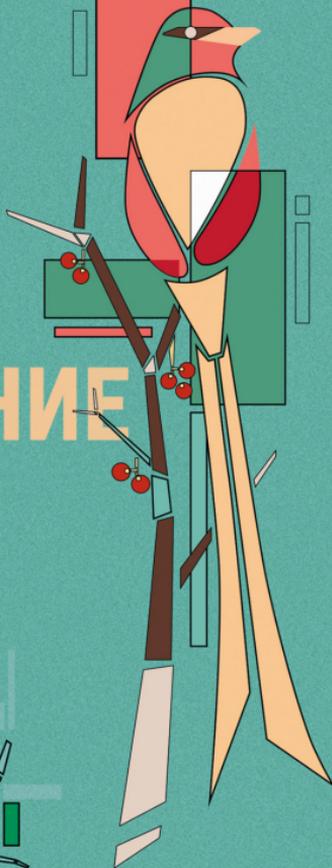
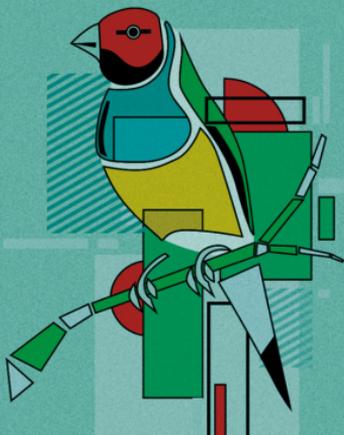

INSPIRIA

НАТАЛИЯ
РЕПИНА

ЖИЗНЕ
ОПИСАНИЕ
ЛЬВА

INSPIRIA

Наталия Андреевна Репина

Жизнеописание Льва

Серия «Loft. Современный роман»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65061677
Жизнеописание Льва: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-119441-3

Аннотация

«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное», – сказал Христос в Нагорной проповеди.

Герой Репиной, библиотекарь Лев – современный юродивый, который в свои 32 года не касался женщины, но понимает птиц и животных. Лев одержим судьбой поэта мандельштамовского круга Климента Сызранцева и постепенно сближается с обитателями музея-квартиры поэта. Однажды вскрывается страшная правда...

Роман потрясает проникновением в самые скрытые механизмы болеющей души. Увидеть привычный мир глазами блаженного – удивительное переживание.

Для тех, кому близка проза Аллы Горбуновой, Марии Степановой и Марианны Ионовой.

«У Натальи Репиной уникальный голос, особенный, не похожий ни на кого. И только таким голосом и можно было

рассказать эту историю, пронзительную, ясную, полную грусти и света».

(Марина Степнова)

«Наталья Репина бережно воссоздает атмосферу московской дачной жизни и сама же ее разрушает так искусно, что невозможно не поддаться обаянию ее прозы. Репина в лице своего героя оплакивает прежнюю интеллигенцию как уходящую натуру и с ней, увы, трудно не согласиться. Щемящая, нежная, ностальгическая, пронзительная повесть об утраченных ценностях, которые смыло уходящее время.»

(Наталья Ломыкина)

«Такси отправляется на дачу. Композиторский дом в центре Москвы – Переделкино: путешествие длиной в полвека. Скорбный путь современного юродивого. Глубокий, великолепно написанный роман. Большая литература.»

(Евгений Водолазкин)

«Роман-чуткость, роман-радость, роман-жизнь.»

(Евгения Некрасова)

Содержание

Часть 1	6
День рождения Пушкина	6
Еще один дождливый день	26
На редкость бездарный день	37
День генерального сражения	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Наталья Репина

Жизнеописание Льва

© Репина Н., текст, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

*** * ***

Часть 1

Лучшие годы вашей жизни

День рождения Пушкина

Лева был единственный в семье, кто любил порядок. Каждый его день начинался бы со страдания, если бы он не умел сосуществовать с хаосом. Но он пока умел.

Утром он вставал раньше всех и шел в ванную. Умывальник матово отливал желтизной, в глубине унитаза мерцало черное. Томилось в ванне несколько дней тому как замоченное белье. Оно пахло кислым. Иногда со дна – бурлум! – поднимался пузырь газа, и тогда белье вяло шевелилось, как старая медуза.

Лева умывался и шел на кухню. Расчищал себе место на столе, между чашкой с въевшимся во внутренность чайным ободком и сковородой, пошедшей нежной дымчатой плесенью.

Мама Татьяна спала в дальней комнате под тихо работающий телевизор. Она не любила тишину. Если она не занималась сама – мама была концертмейстер в Гнесинской школе, – то работало радио или телевизор. Или она напевала что-нибудь.

Иногда Лева представлял: вдруг так вышло, что мама и баба Клава исчезли. Допустим, как-то погибли. И как он приводит квартиру в порядок, всё моет и убирает. Но когда в мысленной уборке он доходил до ванной, то его неизменно удивляло, что в стаканчике останется только одна зубная щетка. Не только удивляло, но и пугало – и он спешил думать о чем-нибудь другом.

На кухне Лева завтракал бутербродом с сыром, а уже какао ему варила баба Клава, которая вливалась на кухню, неся с собой волны того же кислого запаха, что и в ванной. Молоко часто портилось при кипячении и вызывало бабы-Клавин гнев. Но он был не столько страшен, сколько громок и, что важно, на Леву не распространялся.

Лева знал, что его все любят: мама и баба Клава, соседи, одноклассники. На даче его любил садовник Василь Василич и все из ближних домов – Гальперины, Екатерина Анатольевна с сестрой и старшие Сахрановы. Его любили друзья во дворе (Илюша, Сережа и Люда) и на даче (младшие Сахрановы – Вова и Катя, – а также Верблюжонок Тишка, Алик-детектив и Колька Богданыч).

Он их тоже всех любил. И еще он любил порядок. Потому что порядок – это правильно, это как должно быть. А если правильно – значит, хорошо.

Этот простейший рецепт счастья он никогда не формулировал, но всегда знал. И ему казалось вполне естественным, что он стремится к порядку. Ибо кто же не хочет, чтоб было

счастье?

Когда Лева уже заканчивал завтрак, вставала мама. Она была чудесная – теплая, рыхлая и лицом немножко крот, когда без очков. Лева был похож на нее, тоже теплый и рыхлый, но лицом немножко мышь. Мама обнимала Леву и говорила бессмысленные, но смешные вещи вроде «левацкий элемент уже бодрствует», или «полевые работы начались», или «да здравствует басилевс!», или еще что-то с его именем внутри, и Лева не уставал удивляться, сколько всего она могла изобрести.

После завтрака он, если не надо было в школу, садился за рояль. Он любил заниматься и любил рояль, старый кабинетный «Шредер» с желтыми костяными клавишами и тусклой крышкой. Рояль был завален нотами. Они копились и время от времени лавиной сходили на пол; их делили на пачки-холмы и возвращали на крышку, где они вытягивались в новые горы, ждущие возможности обрушиться вниз.

Лева был не без способностей – так говорила мама. Во втором классе он играл сонаты Моцарта и ноктюрны Шопена. Мама мечтала, чтобы он поступил в ЦМШ или к ней в Гнесинку, но не получилось, не взяли. Ничего, он просто любил заниматься, особенно когда из разученного получалась музыка – это тоже было правильно и хорошо.

Этим утром, 6 июня 1976 года, в день рождения Пушкина, он неожиданно встал позже всех. Проспал и не разбудили. Дело в том, что они собирались ехать на дачу. разгово-

ры шли уже с середины мая, но сборы случились в последнюю ночь. Мама не спала и собирала чемоданы, баба Клава не спала и критиковала маму, Лева не спал и представлял, как они приедут на дачу и как он обежит участок – вдруг там уже есть грибы, – а потом пойдет к Сахрановым, Вове и Кате, узнать, что у них новенького за год случилось, а потом они все вместе пойдут к Верблюжонку Тишке, и, может быть, тот даст покататься на своем велике – тут он заснул, а когда проснулся, то и выяснилось, что такси уже пришло, а его забыли разбудить – непорядок, – и он кинулся помогать носить вещи вниз под крики «Лева, умоляю, возьми рогалик и сядь в машину!». Водитель такси пристраивал узлы и чемоданы в отверстый зев вытянутого грузового такси, раздраженно сплевывая при каждом новом «Таз! Таз-то забыли, ну мама же!». Неумытый Лева нечищеными зубами прогрызал ломкую корочку рогалика и погружался в благоухающий белый мякиш.

Наконец баба Клава втиснулась рядом с ним, сверху ей на колени втиснули свернутый тюк – подушка в одеяле, мама помчалась наверх запирать квартиру. Водитель сел и завел машину. В окошке справа виднелся Петр Авенирович, маленький, толстенький, в костюме и шляпе. Он то снимал ее, нервно обмахивался – несмотря на холодное утро, – то надавал обратно.

– Петр Авенирович переволновался, – сказала баба Клава скорее самой себе. – Такси заказали, а его нет и нет. На до-

рогу бегал встречать.

Лева с симпатией посмотрел на Петра Авенировича, который проявил такое участие к их судьбе.

– У меня вообще смена кончилась, выручаю чужой заказ, – водитель воспринял бабы-Клавины слова на свой счет.

– Я не в укор, упаси бог, – сказала баба Клава. – Просто переволновался Петр Авенирович.

Мама впрыгнула на переднее сиденье, захлопнула дверь:

– Всё, поехали!

Петр Авенирович замахал им шляпой, пошел вслед за машиной не спеша. Лева вывернулся как мог, провожая его взглядом. Петр Авенирович отстал, остановился, смотрел вслед.

Дождь. Мокрый асфальт на Калининском проспекте лоснится под колесами, здание СЭВ раскинуло страницы, Триумфальная арка стоит, пустуя входом. Лева мысленно говорит ей: «До встречи!» Это еще одна его потребность – разговоры с бессловесными. Никто не может поручиться, что дверь подъезда не чувствует боли, когда ею хлопают. Или что кресло не обижается, когда в нем долго не сидят. Лева старается понять их чувства. Это трудно. Может, наоборот, кресло любит свободу и обижается, если в нем сидят? Иногда ему кажется, что он понял. Но чаще он не уверен. Во всяком случае, он всегда извиняется, когда ударяется об угол стола или случайно задевает стул. Сейчас ему кажется, что

арке было приятно его прощание и она, как Петр Авенирович, провожает его. Он опять выворачивается на сиденье и сколько возможно долго и дружески смотрит на арку.

Москва кончается, идет шоссе с поникшими под дождем одуванчиками, наконец остановка у переезда, который тренькает сигнальными звонками и опускает полосатую штангу шлагбаума прямо перед ними.

Лева вытягивает шею и между мамой и водителем наблюдает скорый поезд. Что за поезд? Если не смотреть в каждый пролетающий вагон, а поймать взглядом табличку на одном из них и как можно дольше провожать ее глазами, то можно прочесть, что это Харьков – Москва; из каждого окошка смотрят на их машину слегка загорелые люди, которые возвращаются из раннего отпуска, или деловитые харьковчане, которые едут куда-то через Москву. Или в саму Москву.

Ни они, ни стрелочница, которая стоит у переезда и показывает поезду замотанный оранжевый флажок, не знают, что сегодняшним ранним утром, часов около пяти, когда полупроснувшаяся кассирша вяло возилась за еще закрытым окошком кассы и оно медовым светом светилось в темноте платформы, когда бесконечный товарный поезд проходил мимо станции и лениво изгибался на повороте, когда лохматый кабысдох, то ли серый, то ли поседевший, терпеливо пережидал у шлагбаума постукивание товарных вагонов, чтобы перейти на ту сторону, хотя и не вполне по-

нимал, зачем ему на ту сторону, – так вот, никто не знает, что в это самое время с этого самого проходящего товарного прыгнул худой маленький человек, юрко, как ящерица, ввинтился в придорожные кусты и, похоже, в них и растворился, потому что дальнейший его путь никак не прослеживается.

Асфальт сменяется бетонными плитами. «Бетонка», – мысленно радуется Лева. Бетонка – это уже практически дача. Дождя сейчас нет. Такси, колыхаясь, сворачивает на неровную дорогу, ныряет на колдобинах, расплескивает лужи. Где-то видны попытки заложить самые глубокие ямы камнями.

– Ну, Льву будет чем заняться этим летом, – тоже колыхаясь и держась за спинку переднего сиденья, говорит баба Клава. Мама смеется.

Лева как раз об этом думает. Каждый год он чинит дорогу. Большинство камней в колеях – его, и ему приятно, что они на месте, хотя он и не уверен, что камням приятно, как их давят ноги и колеса. Но он для себя решил, что камни выносливы и не восприимчивы к боли. В общем, этим летом для него есть работа.

Такси подкатывает к калитке, у которой их уже караулит Василь Василич. Он живет в совхозе «Московский», но на лето перебирается к ним, чтобы заниматься всякими практическими делами. Лева он очень нравится, потому что то-

же любит порядок и всегда аккуратно одет в клетчатую рубашку с подвернутыми рукавами – как ковбой! Правда, Василий Василич уже порядком стар и не может наводить порядок так, как ему хотелось бы. Эта общая проблема сближает их слевой.

Они таскают вещи на террасу. Водитель уезжает довольный, потому что мама дала ему щедрые чаевые (тайком от бабы Клавы).

Баба Клава с тюком подушка-в-одеяле налетает на Леву и изгоняет его в сад.

У них большой сад – больше, чем у остальных, огромный. У остальных девять соток, а у них восемнадцать. Это потому, что Левин дед, бабы-Клавиин муж, сидел в первых скрипках оркестра Большого театра, а одно время даже был концертмейстером оркестра, правда недолго. Еще Лева слышал, что их квартира в доме на улице Неждановой – тоже большая редкость и предмет зависти. Но его это мало волнует, тем более что они сейчас живут только на мамины концертмейстерские и бабы-Клавиину пенсию, и он долго носит всю одежду – до тех пор, пока она не станет совсем ему мала.

В общем, Лева идет в восемнадцатисоточный сад. Там растет много старых яблонь, от которых давно нет яблок. Там растет черноплодка, но это ближе к осени. Там густая трава. И, главное, – там грибы! Но сейчас он не будет их искать, это всё потом.

Он задирает голову. Небо еле видно через плотные ябло-

невые листья. Бело-розовые соцветия тоже почти теряются среди них. Но когда дует ветер, листья раздвигаются, роняя капли, и пропускают солнце, которое бьет Лева прямо в глаза. Он закрывает глаза и слушает, как нарастает рев поднимающегося в воздух самолета, – аэродром тут неподалеку. Сейчас все эти громкие взлеты еще заметны, а через пару дней ухо привыкнет – как привыкнет к свисткам и погрохатыванию электрички в отдалении.

А вообще здесь тихо. И мама с бабой Клавой перекрикиваются, как будто далеко.

Он возвращается в дом. Там много комнат: если переходить из одной в другую, то можно сделать круг по дому. В большой комнате тоже есть рояль, попроще, советский. На террасе с прошлого года осталась посуда, клеенка на столе загрубела, и края у нее завернулись. Как хорошо на даче!

Лева опять выходит в сад, но в другую его часть. Там всегда сумерки и такие заросли, что никто, кроме него, не может продвинуться вперед дальше, чем на метр. Василь Василыч вечно собирается «со всем этим делом расправиться», но пока, к счастью, не может. Так вот, если пробраться через кусты, то окажешься у забора. За забором – Сахрановы, Вова и Катя. А под забором – под забором – самые лучшие грибы. Подберезовики, белые. Сыроежки, конечно, тоже. Он не выдерживает и лезет в кусты, мгновенно промокает, ветки сильно царапают его, ему приходится почти опуститься на четвереньки и так пробираться дальше. Но он все-таки

достигает гнилого деревянного забора с несколькими большими проломами. А достигнув забора, можно выпрямиться, отряхнуть руки и...

Тут он и слышит голоса. Тихие Вовин и Катин голоса.

– Ну пойдем, Вов! – канючит Катя. – Они нас увидят, ну Вов!

– Отстань, – говорит Вова. – Они сюда не ходят. Слышишь, вещи носят?

– А Левочка?

Лева вздрагивает от счастья – друзья помнят о нем. Ему все равно, что они говорят «Левочка», как будто передразнивая кого-то. Ничего.

– И Левочка с ними. Прямо он тебе полезет... О!.. Ух ты, какой!

Наверное, Вова нашел хороший гриб. Лева не выдерживает и делает шаг вперед.

Дело в том, что Вова и Катя собирают грибы на их участке. На участке самих Вовы и Кати грибы почему-то не растут. И сейчас Вова и Катя сидят у небольшого пролома, через который они, очевидно, и проникли на их участок.

Лева смотрит на Вову и Катю. Внутренне он улыбается, но ему немного страшно – вдруг в этом году они не захотят с ним дружить. Поэтому на его лице улыбки нет.

Катя первая видит Леву. Не сводя с него глаз, она медленно поднимается с корточек. Отпускает подол сарафана, из которого на землю вываливаются два подберезовика и

несколько розовых сыроег.

– Белый! – радостно говорит Вова, поднимает голову и тоже видит Леву.

Некоторое время они молчат. Потом Вова бросает гриб и быстро лезет в пролом. Катя лезет за ним.

Оказавшись на своем участке, они смелеют.

– Не поймаешь, не поймаешь! – дразнится Катя, хотя Лева и не собирался.

– Левочка! Иди к своей мамочке! Она даст тебе кашки! – и Вова корчит странную рожу, изображая не то Леву, не то его маму.

Странно, он совсем не ест кашу, да мама и не умеет ее варить. Наверное, имеется в виду, что баба Клава сварит, а мама уже будет его кормить.

– Дети, что там еще такое?! – кричит с крыльца их мама, прекрасная рыжая Светлана. Катя, кстати, тоже рыжая. А Вова в папу, белый.

Ни Лева, ни Вова с Катей, ни даже их папа, невзрачный Анатолий, не знают, что Светлана вовсе не ездила вчера в Москву, чтобы помыться, потому что «эти ваши тазы и ведра – не мытье, а сплошное страдание и размазывание грязи». Светлана провела вечер в отдаленном аппендиксе их же дачного поселка, куда добиралась огородами, мимо кооперативного сада, мимо плотины, вдоль железной дороги, потом через поле, где такая высокая трава, что даже Светлану скрывает почти с головой. В этом аппендиксе, на

добротной двухэтажной даче с высоким забором и соснами на участке – а окна дачи смотрят прямо в лес, и там тоже сосны, – на этой даче живет хирург Константин, остролицый, очкастый, решительный и одинокий. Одинокий за исключением тех моментов, когда к нему приходит прекрасная рыжая Светлана.

Лева делает движение к забору, и Вова с Катей сразу убегают.

Что же делать с грибами?

Шуточное препирательство на кухне – милое, семейное, ах мы кормим детей одной яичницей, а ты бы хотела, чтобы мы их кормили одними конфетами, а что, они не против, знаешь, а я против, потом к зубному не наездишься, вечно ты драматизируешь – и вот уже препирательство приобретает раздраженный оттенок, значит, надо его гасить, опять уводить в шутку, а также демонстрировать оживление, когда дети врываются на кухню и радуются яичнице, радуются, что скоро поедут за грибами далеко, что встанут рано утром, что до обеда есть время поиграть в мушкетеров, что бабушка Лара вернулась со станции и принесла целый бидон молока и яйца в железной сетчатой сумке. И лишь бабушка Лара, Лариса Витальевна, мама Анатолия, позволяет себе не радоваться и не оживляться, даже искусственно. Ухватившись за перила, она упирается носком правого резинового сапога в

пятку левого, стягивает его вместе с носком, брезгливой рукой стаскивает второй сапог за голенище, и, проигнорировав укоризны насчет своего похода на станцию («мы бы сами»), отдает продукты и уходит в свою комнату, где массивным выступом белеет печка, на стене – репродукция левитановского «Марта», наклеенная на картонку и в золоченой раме, а на столе – пожелтевший портрет военного.

– А что на станции говорят – правда, Полины Петровны внук кого-то ножом пырнул? – кричат ей вслед.

– Кого он пырнул, ему восемь лет, – сама себе говорит Лариса Витальевна, вытирая сзади взмокшую шею.

– А? – кричат в ответ.

Лариса Витальевна молчит.

На кухне Светлана и Анатолий переглядываются и тихо, но с излишним оживлением смеются. За окном Вова делает Кате новую шпагу из лозины, а Катя ковыряет в носу.

– Здравствуйте! – громко говорит Лева.

Лева?

Светлана и Анатолий вздрагивают и оборачиваются к двери. Там действительно стоит Лева. Он уже переодет в дачное – спортивные штаны с вытянутыми коленками и кофту. Живот, белея нежной кожей полного ребенка, нависает над резинкой треников – это видно, потому что низ кофты Лева держит завернутым наверх, а там – что же там?

– Грибы! – объявляет Лева.

– Что?

– Я принес грибы для ваших детей.

– Какие грибы, Лева? Здравствуй, вы давно приехали?

Как мама, бабушка?

Лева молчит, потому что не может определить для себя последовательность ответов.

– Ваши дети забыли наши грибы у нас на участке, – наконец говорит он, не улавливая обличительного смысла. – Мы приехали сегодня. Мама и баба Клава чувствуют себя сносно.

Светлана и Анатолий переглядываются. Лева подходит к окну и смотрит на своих друзей, которые фехтуют за клубничными грядками. Потом осторожно выворачивает грибы из кофты на стул.

– Я пойду тоже поиграю, – говорит он Светлане и Анатолию.

Покидает кухню и бежит к друзьям, у которых для него находится запасная шпага, и вот уже бой выглядит вполне прилично – все-таки трое! – и Катя лихо колет Леву в попу лозиной, которая сгибается, заставляя всех смеяться – и на кухне тоже.

– Падай! – кричит Катя. – Падай, я тебя убила!

– Только ранила! – кричит справедливый Вова.

Лохматый кабысдох, то ли серый, то ли поседевший, трусит по сырой улице, время от времени наклоняясь к земле и принюхиваясь, но ничто из обнюханного не является едой.

Наконец он останавливается и пробует воздух; это приводит его к прекрасной даче цвета охры, верх которой едва виднеется над высоким забором – а из-за него слышится железное: ложки о сковородку – и стеклянное: вилки о тарелку. Он прыгивает в канавку перед забором, исследует забор и находит подкоп. Некоторое время судьба пса неизвестна, но вот слышно «кышкыш!» и «анувонпошел!!» и даже «Борис!!!», а затем мужские гиканья и шиканья. Вслед за этим из-под забора показывается голова псины, а затем выдавливается тело. Не теряя невозмутимости, пес вновь лениво трусит по улице. Его очертания размывает сеющаяся влага. Кое-где за заборами его присутствие порождает лай.

Размываемый моросью пес в этот день посещает также Рассказовскую, Федоскинскую и Солнечную улицы. С двух участков он агрессивно изгнан и еще раза три изгнан с чувством вины, в котором, впрочем, хозяева себе не признаются, скрывая его за громким криком.

А затем небо над поселком полностью затягивается сгустившимися облаками, которые становятся темно-серыми, затем, все более приобретая в цвете, грязно-лиловыми, черными – и замирают. Собака возвращается на Правленческую – туда, где грозный Борис, – задерживается у соседнего с ним забора, ветхого, склонившегося к земле, без труда проникает на участок и встает, нервно и выжидательно приюхиваясь. Люди здесь уже давно не живут, дверь дома заперта, окна закрыты посеревшими от дождей ставнями с остатками крас-

ки. Неизвестно зачем пес решает подойти поближе к дому – к тому окну, где ставень отломан и висит на одной петле. Не сводя глаз с окна, пес втягивает носом воздух, и уши его подрагивают. Что он учуял или услышал – неизвестно, но когда в глубине комнаты, которая еле освещается с улицы, сейчас померкшей почти до ночного состояния, внезапно мелькает тень, он, вздрогнув, отскакивает назад.

Отскочив, пес вновь замирает, готовый в любой момент отпрыгнуть еще, но больше ничего не происходит. Его бдительность ослабевает, он отвлекается на ворону, крикнущую нечто с верхушки ели. Затем, разом забыв свое приключение, он отворачивается от дома и трусит на улицу, где окончательно растворяется под крупными каплями начинающегося ливня.

Пришедшая с Правленческой тьма внезапно накрывает и дачу Сахрановых. Радио пропикивает шесть раз и говорит: «Московское время четырнадцать часов. В эфире «Маяк». Передаем последние известия. Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев посетил с дружественным визитом...» Светлана снует с тарелками от кухни к террасе, где накрыт большой прямоугольный стол с букетом пижмы посередине. Над ним вполсилы зудят мухи и постанывают комары. Анатолий режет на кухне хлеб.

– Сейчас ливанет, – говорит Светлана, возникнув на кухне.

– Ты заметила, кошек нет, – отвечает Анатолий.

– Надо детей в дом загонять.

– Это потому что Неверовские приехали.

Если читать только четные или нечетные реплики, диалог обретает смысл, хотя и перестает быть диалогом.

– Знаешь, я пытался их посчитать, – говорит Анатолий в следующее Светланино появление на кухне. Она улыбается.

– Но многие похожи... – в следующее. (Она улыбается.)

– ...И никогда не появляются все вместе... (Улыбается.)

– ...то есть число колеблется от восьми до тринадцати...

– ...то есть нас посещало примерно десять с половиной кошек в день.

– Ну вот, ливануло, – говорит Светлана.

Она забирает у мужа нарезанный хлеб и несет его на террасу; поправляет пижму в кувшине; задумывается, глядя через витражные стекла на темную пустую дорогу.

Радио поет «Вместе весело шагать по просторам...».

– Так какие новости на станции? – кричит с кухни Анатолий.

– Встретила Екатерину Анатольевну, говорит, в Востряково дом сгорел, – Лариса Витальевна, переодетая в домашнее платье, возникает на кухне. – Никто, слава богу, не погиб.

– А от чего загорелся-то?

– Так кто его знает, может...

И вот тут на кухне появляются рыдающая Катя и бледный

Вова.

– Вова! – строго говорит Анатолий. – Сколько раз тебе объяснять, что Катя слишком маленькая для...

– Папа! – в ужасе говорит Вова. – Мы Леву убили.

Дальше начинается хаос и безумие, потому что за клубничными грядками действительно виден Лева, который лежит неподвижно под барабанившим дождем. Первой кидается к нему бабушка Лара, а за ней остальные, со своими «я только сказала умирай я тебя убила», «давайте я сбегая за костей он же доктор», «господи какой позор чужой ребенок» и, наконец, «лева лева левочка».

Мальчика осторожно переносят в дом. Он дышит, но не приходит в себя. Анатолий растерянно топчется надлевой, теперь совсем мокрым, так как его с терапевтической целью решили посильнее увлажнить, – изо рта, как белье перед глажкой, – но от волнения вместо мелких брызг вылилось всё так. Катя рыдает, вывернув в реве распухшие губы и мешая слезы с соплями.

– Прекрати сейчас же! – требует Светлана. – Объясните мне, что произошло!

– Мы играли... (Вова)

– И его надо было убить. (Катя)

– Почему?

– Потому что меня нельзя, я красивая. Я кто, Вов?

– Арамис.

– Да. А Вова – Дэ Артьян.

– Д'Артаньян.

– Его тоже нельзя, он герой. А Лева все равно толстый. Он сказал, что не хочет умирать, а Вова сказал, что так надо. А Лева тогда сказал, что он вечером спросит у мамы... А потом Вова его ранил, и он упал! – Катя опять плачет и еще икает.

– Чушь какая-то! – говорит Анатолий. – Самый толстый – это, значит, Портос, что ли? А зачем его убивать? Он же в книге не умирает? Или я забыл?

– Толь, ты сейчас вообще не о том думаешь, – говорит Светлана.

– Нет, погоди! Зачем Портоса-то убивать?

– Ну кто-то должен умереть... – тихо и упрямо говорит Вова.

– Чушь какая-то! – опять говорит Анатолий. – Ну что? Надо действительно за Костей идти.

– Лева, оживаааай! – взывает Катя.

И Лева сразу открывает глаза.

Так просто.

– Ты как, приятель? – осторожно говорит Анатолий.

Лева садится. Встает. Катя икает.

– Спасибо, неплохо, – говорит он. – Я пойду домой.

– Тебя проводить, Лёв? – спрашивает Светлана.

– Нет, спасибо! – говорит Лева.

И действительно идет домой. Никто не решается его проводить. Всем неловко, и все молчат. Но тут Катя икает опять, и все смеются.

Лева же возвращается на свой участок. Дождь шуршит по листьям. В глубине сада в гамаке под навесом дремлет мама. Ей на ухо сладострастно поют комары. Василь Василич торопливо тащит хворост в сарай. Из охапки, которую он несет, выпадает ветка. Лева поднимает ее и несет вслед за Василь Василичем. Кладет в кучу. Идет в дом. Там откуда-то взялись кошки – возможно, их десять с половиной. Он проходит в свою комнату, где на кровать уже водружен тюк подушка-в-одеяле и, не разворачивая тюка, сам сворачивается рядом с ним в улитку на толстом матрасе с подозрительными желтоватыми пятнами поверх блеклых голубых и серых полос. Пружины кровати лязгают, пару-тройку раз качают Леву и успокаиваются. За окнами настойчиво и равнодушно лупит ливень.

Еще один дождливый день

На той самой даче, откуда серого кабысдоха изгнал некто Борис, смотрят телевизор.

Хозяин, собственно Борис, – в кресле, вязаная кофта; хозяйка – за столом, красивая шаль, раскладывает пасьянс. Изредка взглядывает на экран. На стуле притулилась маленькая старушка, кто запомнил – Полина Петровна, бабушка того самого внука, который кого-то пырнул или не пырнул (внук Шредингера). Левина мама на другом стуле.

И вот гости в капюшонах. Баба Лара, Вова и Катя.

– Лариса Витальевна! Милая моя! – ошарашенно говорит хозяйка, пропуская их в дом. – Это же «Красное и черное»! Куда ж вы детей!

– Ничего, дружочек, они тихо, – невозмутимо говорит баба Лара. – Мы их сейчас куда-нибудь в другую комнату. Только пошел на станцию провожать Светлану. Вернется – заберет, я ему записку оставила. Мы их где-то тут...

Хозяйка колеблется, потом решается.

– Нет уж, пусть с нами смотрят, хоть на виду. Все равно не поймут или... ну я не знаю, глаза им, что ли, будем закрывать...

Они идут в комнату. Смех и удивленные восклицания. Сосредотачиваются на экране. Старушка Полина Петровна вполголоса пересказывает Ларисе Витальевне, что она про-

пустила.

– Ну всё, Полина Петровна! – это хозяйка, тихо и убедительно: – Ларочка Витальевна сама разберется!

Госпожа де Реналь испуганно окликает своего сына, взобравшегося на дерево.

– Татулечка, как Лева? – тихо спрашивает Лариса Витальевна (как сказал бы Толстой, «по бессознательной для себя филиации идей»).

– Грех жаловаться, – несколько удивленно отвечает та. – А что?

– Нет, так, ничего.

Жюльен Сорель карабкается на скалы. Вова внимательно смотрит на экран. Катя разглядывает присутствующих. Дождь все сильнее. За окном ярко сверкает и почти сразу раздается сильный удар грома.

– Как жажнуло! – это Покровский. – Где-то прямо над нами!

Ему никто не отвечает. Жюльен Сорель целует руку госпоже де Реналь и заявляет, что придет к ней в два часа ночи. Теперь Катя, замерев, глядит на экран, взрослые тоже, а Вова рассеян.

Никто не смотрит сейчас на востую бушующую грозу и сквозь мрак – на кусты, которые сгибаются под потоками воды. На соседний нежилой дом, где оторванный ставень сильно раскачивается от порывов ветра и ударов дождя.

Даже издалека и даже сквозь дождь слышно – но никто не слушает! – как он громко стучит то о стену, то о раму окна, которое отвечает стеклянным дребезжанием. И вот там, где оторван ставень, изнутри открывается оконная створка. Сама? Из открытого окна высовывается рука. Рука? Кто-то пытается притянуть и закрепить ставень, но, не закрыв предварительно окна, это сделать невозможно. И рука это понимает. Она исчезает, оставив все как есть. Никто этого не увидел.

Никто, кроме Вовы.

Тут жахает особенно сильно, и в комнате гаснет свет. Фильм утягивается в тоненькую горизонтальную полоску и исчезает.

– Ну вот, как всегда на самом интересном! – говорит Лариса Витальевна.

Суета, темнота. Но вот уже огонек мерцает внутри прозрачного кокона керосинки, оставляя на его стенках черные мазки.

– Вряд ли свет быстро включат, а серия уже заканчивалась, – говорит подсвеченная колеблющимся светом Покровская.

Толкотня в дверях. Зонты вспархивают над головами и врезаются друг в друга. И – аистами, аистами шагать по дорожке, вздымая ноги над лужами и помещая их на островки суши.

Покровская проводила, возвращается в комнату.

– М-да-а-а... – говорит ее муж Борис.

– Да, – говорит она. – Надо как-то прекращать эти киносеансы. Вот пригласила один раз Ларису Витальевну, и весь поселок повадился. А она, нет, это тоже надо додуматься, с внуками прийти!

– М-да, – говорит муж.

Ливень.

Анатолий: бесполезная газета над головой, дорога киснет под скачущими ногами, на крыльце поскользнулся, дома никого, сразу к холодильнику, спасительная водка, толстая граненая рюмка. Посмотрел долгим взглядом в окно, где дождь избивает клубнику, вылил водку обратно в бутылку, поставил на место, рюмку помыл, убрал.

Светлана: тамбур электрички, кусты, поле, забооооор, опять кусты, неразборчивое объявление станции, пустая платформа, плакат «Что тебе дороже: жизнь или сэкономленные минуты?», указатель «В Москву». Двери открылись. Вышла, открыла красивый импортный зонт. Ступеньки вниз, ступеньки вверх. Соседняя платформа, указатель «Из Москвы», плакат «Что тебе дороже: жизнь или сэкономленные минуты?» Свистит встречная электричка. Заходит. Неразборчивое объявление, кусты, роооообаз, елоп, ытсук.

Дождь прошел, и свет дали. Дачные сумерки разбавлены фонарями и окнами; особенно хороши застекленные терра-

сы – их густое желтое сияние обещает уют и покой. Там, конечно же, пьют чай с вареньем и ведут тихие беседы. Еще там, возможно, происходит нечто волшебное, отчего замирает сердце в предчувствии сказочных событий. Ночью они, вполне вероятно, начнут происходить.

Лева с мамой гуляют в вязаных кофтах и резиновых сапогах. Мама поет «L'amour est bien plus fort que nous», Лева читает дорогу. Ему очень радостно, что в первый же день случились и грибы, и Сахрановы, и вот даже дорога. Он уже почти не помнит, что его смерти желали – пусть понарошку. Он ищет по обочинам крупные камни и кладет в лужи. Иногда не кладет, а роняет, орошая себя грязными брызгами. Темные струйки текут по голым ногам внутрь резиновых сапог. Наконец Лева уже не может найти нормального камня. Уперев руки в колени, он вприсядку высматривает камни.

– Лева, не уходи далеко! – говорит вслед мама.

В этот момент Катя и Вова выбегают из калитки.

– А давай попросим лото! – говорит Катя.

– У Покровских только домино!

– У дяди Кости есть!

– К нему далеко, папа не разрешает!

– А мы быстро! Скажем, Покровских дома не было! Ой!

Здрaсте, тетя Таня!

И скорее бегом дальше. Лева провожает их взглядом.

– Он ей сказал? – шепотом спрашивает Катя.

Вова пожимает плечами.

Лева смотрит, как они припускают по улице и как смешно сталкиваются на повороте к даче Покровских: Вова хочет к ним, а Катя – бежать дальше. Побеждает Катя: они бегут дальше.

Мама зевает и говорит:

– Лев! Хватит, а? Пошли пройдемся, завтра дочинишь свою дорогу.

Она берет его за руку, и они отправляются на прогулку.

Дача Константина – это вам не мещанские грядки. Хирургам столичных больниц не пристало выращивать клубнику. Они живут среди сосен и елей; сначала сирень, а потом жасмин и шиповник дурманят их сердца влажными вечерами.

Одинокое окно горит на втором этаже сонным приглушенным светом. Катя с Вовой подбегают к двери. Она закрыта.

– Дядя Костя! – зовет Вова, задрав голову.

Тишина.

– Дядя Костя! – опять зовет он.

– Ты не так! – говорит Катя. – Смотри!

– Дя-я-ядя-я-я-я Ко-о-о-о-стя!

Тишина.

– Глухой он, что ли, – говорит Катя.

– Давай обойдем, – предлагает Вова.

Они обходят дом. Оказывается, с изнанки тоже есть горящее окно – кажется, кухня. И дверь есть, но тоже закрытая.

Катя подпрыгивает.

– Давай! – Вова берет сестру за талию. Она еще раз подпрыгивает, цепляется за подоконник и —

– Вооовкаааа! – срывается.

– Ты чего, офигела? Руку мне чуть не сломала! – говорит Вова.

– Вовкааааа! – Катя переходит на шепот. – Там знаешь чего?

– Ребята! Эй, вы где?

Константин появляется из-за дома, с той стороны.

– Здравствуйте, дядя Костя! У вас лото есть?

«Tombe la neige», – поет Татьяна. «Tu ne viendra pas se soigner», – сокрушается она.

Они сделали круг и опять вышли на свою улицу.

Навстречу Константину с ребятами.

Вова несет мешочек с лотошными бочонками, Катя – прямоугольные картонки с цифрами, Константин – сигарету с красным светящимся кончиком. Татьяна одергивает кофту.

– Ну всё! – говорит Константин. – Не заблудитесь?

– Ну конечно! – иронично и взросло говорит Катя.

Они бегут к своей даче.

– Бочонки не растеряйте! – кричит Константин вслед.

– Мы аккуратно! – кричат в ответ.

– Здравствуйте, Костя! – изменившимся лицом говорит Татьяна.

Ах, вот оно что! Но нет, невозможно. Не только из-за ры-

жей Светланы. Даже если бы ее не было. Просто вот это вот всё: немного мышь, очки, фортепиано, французский и такая же, как у Левы, общая пельменность внешнего вида (или, вернее, у Левы – такая же, как у мамы) – это точно не для Константина. Да и, правду сказать, Катя и то кокетничает удачнее.

– Здравствуйте, Таня! Вечерняя прогулка?

– Да вот вышла на мир посмотреть, себя показать... Лева, далеко не уходи!

– Вы какое-то странное время выбрали, Таня, себя показывать! Нет же никого.

– Ну... вот встретила вас.

– И все бывшее?

Пауза.

– Да, темновато тут у нас.

– Зато романтично.

А Лева пошел за ребятами на их дачу, а они заметили и спрятались в крыжовенных кустах. Он видит сдавленное копошение, но понимает, что по каким-то неизвестным ему правилам не должен его видеть. А еще Катя и Вова – его друзья, и они не могут от него прятаться – это ведь довольно странно. Если бы они хотя бы играли в прятки. Но они ведь не играют. Не играют? Нет, точно не играют. Он не считал с закрытыми глазами.

– Ау, – говорит повествовательно Лева, глядя в кусты.

Катя шепотом смеется, Вова зажимает ей рот.

– Ау! – опять говорит он кустам.

– Лева! – зовет его издалека мама грустно и раздраженно.

Des yeux qui font baisser les miens,
Un rire qui se perd sur sa bouche —
Voilà le portrait sans retouche
De l'homme auquel j'appartiens.

В центре стола – копейки, двушки, пятак и даже один гривенник. Мешок с бочонками у бабушки Лары.

– Восемнадцать! – говорит она. – Пять. Одиннадцать, барабанные палочки.

– Почему? – спрашивает Катя.

– Потому что похоже, – отвечает Вова.

– На что?

Вова демонстративно вздыхает и смотрит на отца, ища сочувствия.

– На барабанные палочки, дочуш. Число одиннадцать похоже на барабанные палочки.

– А-а-а...

– Тридцать два!

– А тридцать два на что похоже?

– Ни на что.

Катя задумывается.

– Смотри, – оживляется Вова, – ну смотри, ты опять всё пропустила. Вот же у тебя еще два раза одиннадцать – вон и

вон. И вот тридцать два. Чем ты смотришь, корявая!

– Это что за слова такие?! – угрожающе говорит бабка.

– А ты дурак! – подумав, отзывается Катя.

Она сползает со стула ниже, пытаясь пнуть Вову под столом, но не достает. Анатолий встает, берет Катю под мышки и сажает нормально.

– Семьдесят семь! – объявляет бабушка. – Семен Семеныч!

– А Василь Василич бывает? – спрашивает Катя и тут же перебивает себя: – Ой, пап, а знаешь чего? У дяди Кости зонтик как у мамы! Отстань, дурак! – говорит она Вова, который заволновался и тоже рыщет ногой под столом. – Мы когда за лото ходили, я видела. Я думала, это мамин, а Вова сказал, что просто такой же похожий!

– Он даже и не слишком похожий! Тебе вообще показалось! А когда кажется, креститься надо! – Вова сползает ниже, и нога его достигает цели.

– Ну ты! – Катя выворачивает нижнюю губу, демонстрируя готовность заплакать. – Пап, скажи ему, чего он!..

Бабка откладывает в сторону мешочек с бочонками и смотрит на Анатолия.

– Я сама видела! Он его сушил открытый! Мама тоже так всегда сушит! И одна спица сломана!

Анатолий внимательно выискивает у себя на карточке какую-то цифру.

– Пап, не слушай, она всегда придумывает! – говорит Во-

ва. – Ты тупая, все так зонтики сушат!

– У нашего друга доктора женский зонтик, надо же... – сама себе говорит Лидия Витальевна и – руку в мешок. – Тридцать пять.

– Всякое бывает, – отзывается Анатолий, не отрывая взгляда от карточки.

– Бывает, бывает... Семь.

– Ну па-а-а-а...

– Ты, Анатолий, все-таки...

– Что я?

– Ничего! Пятнадцать! Двадцать девять! Три!

Никого нет на темной улице с оранжевыми фонарными кругами. Лужи то мерцают звездами, то затягиваются невидимыми тучами. Глубокие тени лежат в выщерблинах дороги. В глубине участков всё меньше освещенных окон. Некому увидеть, как дверь заброшенной дачи открывается и на пороге появляется маленький худой мужчина, юркий, как ящерица, готовый мгновенно отпрыгнуть, скрыться, затаяться в черном пространстве дома.

На редкость бездарный день

Анатолий работал старшим научным сотрудником в НИИ. Он познакомился со Светланой в гостях у своего бывшего одноклассника. Светлана заканчивала пединститут, отделение начальной школы. Они все тогда сильно напились, стали петь песни. Быстро выяснилось, что целиком никто ни одной песни не знает, каждый – по фрагменту, причем все фрагменты разные. Откуда-то возник песенник, позорище, но дело пошло на лад, к последней странице закончилось вино и даже портвейн. Нашелся второй песенник, и одноклассник сбегал за добавкой. В финале пели Визбора: «Ты у меня одна...»

Он пошел провожать Светлану, которая жила недалеко, в одной из хрущовок. Он чувствовал, что очень пьян. Про нее было непонятно. Шли молча и очень торопливо. У него к тому моменту уже три года не было женщины, а до этих трех лет – развод после бессодержательного брака. Он шел и медленно наливался желанием. На сдержать его уходили все силы, поэтому он молчал и только сильно дышал через нос (вдруг возникло пьяное убеждение, что это поможет). Про нее, опять же, было непонятно, но она тоже молчала.

Попрощались у подъезда, но он зашел за ней в подъезд.

Было уже очень поздно. Снаружи – темно-фиолетово, подъезд же резанул их глаза ярким солнечным светом. Свет-

лана потянулась к выключателю, и одновременно с тем, как свет погас, он прижал ее к стене. Они стали целоваться, дальше смутно. Наверное, они решили, что их будет слышно в гулком ночном подъезде – поэтому дальше лавочка перед подъездом в темном фиолете. Светлана села к нему на колени верхом. Но теперь они, скорее всего, подумали, что тут их будет видно – поэтому дальше они обнаружили себя на детской площадке за домами, она стояла на коленях перед ним (опытная подруга однажды советовала), а он все прерывистыми кусками слов пытался сказать, что у него три года не было женщины. Дальше опять все смутно, совершенно точно стояние на коленях ни к чему не привело, потому что потом он обнаружился дома у одноклассника (к себе далеко и нет денег на такси) лежащим на полу и тянущим за руку его жену: «Иди ко мне!» Так они поссорились с одноклассником.

На другой день он с пульсирующей головой добывал Светланин телефон, звонил ей, но подходила мама. Он оставил свой номер.

Мама же слышала, что было в подъезде, и видела, что было на лавочке. Детской площадки, к счастью, не видела. Утром Светлана постаралась уйти в институт пораньше, потом поехала в гости к подруге и только оттуда решила позвонить маме, которая сказала: «Или алкоголь, или мужчина. Одновременно не надо».

А потом Светлана обнаружила, что... нет, не беременна.

Грибок не грибок, инфекция – в общем, что-то неприятное по женской части она обнаружила. Она никогда бы не позвонила Анатолию, но тут, возмущенная (три года у него не было, ага!), позвонила. Он не поверил, что это от него, потому что три года. Не хотел грешить на нее, но откуда же иначе?

Образовалась общая постыдная тайна, замешенная на недоверии.

О совместном лечении, как и о ночи, ставшей его причиной, он никогда даже про себя старался не вспоминать. Только песни Визбора не любил.

Потом было все как надо: трогательное ухаживание, постепенное привыкание, жертвенное служение рыжим волосам, ямочкам, смеху. И так-и-быть приятие его, невидного, как моль, подчинение неблизкому и неинтересному человеку только из-за той грязной ночи, которая связала их, как соучастие в убийстве.

Конечно, никто не может знать, о чем думает сейчас Анатолий. Но и он сам тоже. Он ходит туда-сюда по пустынной платформе, и ему кажется, что он ждет электричку, которая должна увезти их в «дальний» лес за грибами. Он даже не признается себе, что выискивает взглядом на противоположной стороне Светлану, которая как бы должна вернуться из Москвы. И уж, конечно, не догадывается, что это скрытое от самого себя выискивание – того же болезненного свойства, что их совместное лечение.

Лева рассеянно следит за Анатолием-маятником. Они с Катей сидят на лавочке с корзинами, в белых панамках и резиновых сапогах. У Кати тренировочные штаны, у Левы колготы и сверху шорты. Катя не выспалась и хочет плакать, но повода нет. В ожидании повода она тихо скрипит голосом.

Вова сидит на перилах и палочкой направляет жука.

Анатолий ходит взад-вперед по платформе.

– Катя! – раздраженно говорит он. – Я говорил, что не надо идти, если не выспалась. Вчера не уложишь, сегодня не поднимешь, что нам с тобой в лесу делать?

Катя скрипит.

– Мама, наверное, уже не приедет, пап! – тихо говорит Вова.

Он всегда всё правильно понимает, этот Вова.

– При чем тут мама? Электричка бы приехала.

– А во сколько она?

– Семь ноль три.

– А сейчас?

– Пятнадцать минут. Отменяют – так хоть бы объявление повесили, честное слово.

– Может, просто опаздывает?

– Может.

– А если не придет?

– Пойдем домой и ляжем спать.

– Может, на следующей?

– Смысла нет, – говорит Анатолий, глядя на часы. – Пока доедем...

Он опять принимается ходить по платформе.

Вова вдруг давит жука.

Катя, наконец найдя повод, раздражается рыданиями.

– Ты дурррааак!!!

Лева старается не плакать. Этот Вова такой – добрый и понимающий. Но он не понимает про живое и мертвое.

Это сложно объяснить. Это вам не кресло с потенциальными обидами или камни, которые, скорее всего, не чувствуют боли. Это не прощание с Триумфальной аркой. Как это объяснить, что жук только что находился в жизни, и вдруг вместо него сплюснутая шелуха – то есть он никогда не попадет туда, куда он там спешил, когда Вова ему мешал; он не встретит других жуков, с которыми, возможно, дружил; и ему было очень больно, когда Вова его давил, сокрушая черные блестящие крылья, проволочные ножки и скорлупинный панцирь живота, откуда полезло что-то желтое.

Дело в том, что жук только что был частью их общей жизни, такой же необходимой частью, как хождение Анатолия, сипение электрички и негреющее утреннее солнце. Убить его – вынуть часть из целого. Лева задыхается от образовавшейся неполноценности. Он задыхается, но мысленно, и никто этого не видит.

Снаружи это выглядит так, что он просто беззвучно шевелит губами, как будто что-то сам себе шепчет. И как будто

даже не обращает внимания на жука и Катины рыдания.

К соседней платформе подходит электричка. Из-за пыльных окон на них смотрят невеселые пассажиры. Шипят, закрываясь, двери. Электричка отходит.

Однажды он видел во сне Кольки Богданыча собачку Максика, которого сбила машина. Во сне Максик был еще веселее, чем в обычной жизни. Как было бы хорошо увидеть во сне этого жука, целого, бодрого, и чтобы...

– Вон, вон! Вон она! – вдруг громко кричит Катя.

– Где? – оживляется Анатолий, поворачиваясь в разные стороны. Вот так он себя и выдал. Но Катя указывает на зеленую точку, которая со свистом вырастает в поезд и удаляется от них, мелькая табличками Москва – Киев.

...и чтобы жук сказал Леве, что теперь уже ничего страшного и даже веселее, а ту боль он забыл.

– Ладно, – говорит Анатолий. – Шут с вами. Пошли в ближний.

Светлана, держась за калитку, перешагивает через лужу с улицы на участок, медленно идет по дорожке под взглядом Ларисы Витальевны, раздробленным витражными окнами террасы. Светлана отвечает лобовой атакой, идет взглядом на свекровь, и та не выдерживает, скрывается в глубине дачи.

Ранен.

Светлана садится на стул в кухне. Лариса Витальевна возится у плиты и в холодильнике.

– Как же это вы разминулись?

– Я опоздала, проспала. Они не дождались, наверное.

– Ну хоть выпалась.

Светлана зевает.

– И все равно не выпалась. Жалко, зря спешила... Пойду досыпать.

– Не выпалась?

Лобовая атака.

– Не выпалась.

Ранен.

На участке появляется седой кабысдох, лезет на грядку что-то разрывать.

– Дождь какой сильный был вчера, – говорит Светлана, глядя в окно.

– А ты откуда знаешь?

Лариса Витальевна с трудом разгибается от холодильника, держась за спину.

Лобовая атака.

– Лужи. Мокрящее всё, дорога раскисла.

– Ну да...

Убит.

– Эй, эй! – Лариса Витальевна замечает пса и кидается наружу. Светлана, улыбаясь, смотрит, как тот большими прыжками покидает огород. Огород покинут. Светлана, улыбаясь, смотрит на пустой огород.

Серым волком рыщет по жидкому перелеску невзрачный человечек – копия того, спрыгнувшего и прячущегося, только тот ночной, а этот дневной, с голубыми жилками на прозрачных висках, с белесыми бровками над близко посаженными глазами. Как взглянет – так уколёт, как уколёт – так отравит. Разлетайтесь, пеночки, разбегайтесь, ежики, тут большая охота, зыркнул прозрачным глазом на зазевавшуюся птаху – и упал мягкий комочек на траву, и вот уже суеются вокруг него муравьи да спешат, пропуская сквозь себя землю, трудолюбивые черви.

А вот затрещал валежник да закачались кусты – кто это там идет, переваливаясь с лапы на лапу, не лесной хозяин ли бурый медведь? Грузный, в стеганом ватнике и бесформенной кепке.

– Ну? – говорит ему невзрачный.

– Да Игорях, что здесь – в Матвеевское надо. Ты же список пайщиков видел – нет тут у него никого.

Остановились, закурили. Стоят, думают, глядя в мать сыру землю.

– Пошли дальше.

И дальше – то рядком, то гуськом.

Лес редееет, светится впереди поляна, слышатся голоса. Остановились, переглянулись. Игорь спит, Игорь бдит, Игорь соколом глядит, мыслью поляну мерит.

– Пап, пап, смотри, Катька поганку взяла!

Смех.

– А ты дурак!!

Смех.

Анатолий сидит на траве и перебирает грибы, Лева внимательно следит. Вова дразнит Катю поганкой, Катя хочет ее отнять. Увидели чужаков, насторожились.

– Здравствуйте! – говорит невзрачный Игорь.

– Здравствуйте! – говорит за всех Анатолий.

– Что это у вас дети такие невоспитанные? – говорит Игорь. – Не здороваются.

Катя берет Вову за руку.

– Здравствуйте! – громко говорит Лева.

– А в чем, собственно, дело? – говорит Анатолий.

Вместо ответа на поляне соткался из воздуха парень в военной форме и с собакой на поводке.

– Ну? – невзрачный.

– Пусто, – парень.

– А остальные где?

– К машине пошли.

Собака, крупная немецкая овчарка, садится. Язык вывалила, дышит, не улыбается.

– Можно вас на минуту? – говорит невзрачный Анатолию.

Отошли.

– А как собачку зовут? – это Катя.

– Лада, – говорит медведь в ватнике.

– Лада, Ладочка, – говорит Катя. – Хочешь грибочек понюхать?

– Не надо, – говорит парень.

– Ей нельзя, у нее нюх испортится, – объясняет медведь.

– А можно ее погладить?

– Не надо, – говорит парень.

Один Лева занят делом: продолжает распределять грибы по кучкам: подберезовики, подосиновики, сыроежки.

– Хороший урожай! – говорит медведь. – Малины нет?

Какая малина в это время – шутит просто.

Вот и Анатолий с невзрачным.

– Ребята, вы никаких незнакомых людей не видели в поселке? – спрашивает Анатолий.

– Не-е-ет! – говорит Катя и подсовывает Ладе грибочек.

А Вова опускает глаза.

– Мальчик, ты никого не видел? – спрашивает невзрачный.

– А что?

Невзрачный внимательно смотрит на Вову.

– Ну, мало ли, кто-то незнакомый, может, ходил по поселку, может, поселился где-то кто-то новый, вы же тут все друг друга знаете, да?

– Нет.

Догадливый Вова все понял: ищут. Ту самую руку в окне, когда был дождь. Раз ищут – то преступник. Кто поймает – тот герой, не хуже, чем Д'Артаньян. Значит, Леву и Катю не посвящать, папу тем более. Справится в одиночку. В газете напечатают про подвиг.

– А где вы живете?

– Улица Солнечная, дом пять!

Катя болтушка.

– Молодец, девочка! – говорит невзрачный. – Будешь хорошая пионерка. Хочешь быть пионеркой?

– Не-а, – говорит Катя.

Еще и дура.

– Ну и ладно, – примирительно говорит медведь. – Тогда до свидания.

Прошли несколько шагов, волоча собаку, остановились. Ну что еще?

– Если что увидите...

– Да-да, конечно!

– А дети у вас все-таки невоспитанные.

– До свидания! – громко говорит Лева.

Ушли.

– Вов, ты правда никого не видел?

Вова честно смотрит на отца.

Лева достал из корзинки мухомор и растерянно разглядывает грибные кучки.

Светлана идет к колодцу за водой, когда в конце улицы появляются грибники. Анатолий несет на руках спящую Катю, Вова тащит две корзины, привыкая к роли человека, способного на подвиг. Он и куртку свою намотал на голову наподобие тюрбана. Необычно.

И тут в конце улицы Светлана.

– Ой, пап, это мама! – говорит Вова.

– Да, вижу, – говорит Анатолий.

– Я догоню. Я догоню, ладно? – это уже почти на бегу, бросив корзины, не спрашивая, а утверждая.

– Ма-а-ам!

Светлана его не слышит, а Катя просыпается.

– Мама? – сонно говорит она.

Вова догоняет мать уже у колодца. Ведро несется в глубину, деревянный валик постепенно отпускает цепь, бешено крутится железная колодезная ручка (Вова, отойди, даст по голове!). Светлана смотрит на Анатолия. Скрипит валик, обрастая цепью, всплывает из темной глубины новенькое сверкающее ведро с новенькой сверкающей водой. Анатолий ко-со несет корзины и сползающую Катю. Лева идет следом, подбирает выпавшие грибы и кладет их обратно. Они сворачивают на дачу Левы.

Поход по грибы не порадовал Леву. Вернее, не сам поход, а все, что было вокруг. Он иногда чувствует себя антенной, которая ловит чужие состояния. Как будто лучи исходят от остальных и проходят через Леву. Если лучи нормальные, создается такая добрая сетка, в которой существовать приятно. Сегодня всё не так: недовольный дядя Толя, хнычущая Катя, какой-то не такой Вова, неприятные люди в лесу, которые заставляли его здороваться и прощаться. С ними при-

шло особенно много нервного и тревожного. Люди ушли, а состояние осталось.

И мама, и баба Клава, и Василь Василич обрадовались грибам и хвалили его. Но тут еще не всё. Грибы поставили в соленую воду, чтобы вылезли все черви. И червей надо спасти. Однажды он попытался сделать это прилюдно, но был не понят. С тех пор приходится тайком пробираться на кухню, вылавливать их ложкой и выкидывать за дом. Нескольких несчастных придется оставить плавать, чтобы не вызвать подозрений. Он мучительно долго выбирает обреченных, стараясь найти немолодых или, может быть, уже умерших. Настроение от этого портится еще больше.

Исправить все это можно только одним способом.

Еще в прошлом году мама дала ему почитать «Кондуит и Швамбранию». Книга потрясла его. Всё, что бродило в нем разрозненными частями, по разным уголкам его сознания, здесь облеклось в идеальную форму. Свое государство. Конечно же, надо просто создать свое государство. Нарисовать его, придумать, оживить. Не допустить туда смерть, плохие лучи и ямы на дорогах. Странно, что он сам до этого не додумался. Он завел специальную тетрадь – очень старый бабы-Клавин блокнот с желтыми страницами (она разрешила), начертил там свое государство. Именно начертил, по линейке, потому что так было ровно и хорошо. Столица была круглой формы, улицы расходились из центра такими правильными радиусами, что Петра творенью не снилось. Деревья

круглились аккуратными шапками, дома были ровнее и проще хрущевок. Когда он листал страницы со своим государством, ему становилось спокойно. Небольшая проблема была в том, что он не мог придумать названия ни стране, ни столице. Долго мучился – всё казалось ему неестественно звучащим, – а потом решил, что это необязательно, потому что все равно он никого в свою историю посвящать не собирается. А ему и без названия было нормально. Он же не зовет сам себя «Лева». Он для себя сам собой разумеется. Пусть так же будет и здесь.

Он садится в своей комнате с блокнотом и между вылазками на кухню пишет закон, запрещающий убивать червей, которые живут в грибах. Но это значит, что червей будут жарить вместе с грибами. Может, тогда велеть червям не жить в грибах? Но чем же червям питаться? Может, тогда людям не есть грибы? Но это так вкусно. Он чувствует, что совсем выбился из сил.

Нет покоя и Сахрановым. Упрямая Катя стала добиваться правды с маминым зонтом. Она очень ждала маму, потому что та-то должна была подтвердить, что это ее зонт, и тогда все бы поняли. Но мама не подтвердила, и очень сердито. Обедать садятся раздраженные, и только Вова, как обычно, пытается как-то сгладить.

– Вов, ты чего так плохо ешь? – спрашивает Светлана. – У тебя после похода должен быть зверский аппетит.

Вова вспоминает, что он будущий герой. Со всего размаха, как человек, привыкший поедать телячьи ноги, кусает помидор; из треснувшего бока вырываются красные сочные брызги с желтыми зернышками, врезаются в стекло террасы и медленно стекают вниз.

– Здорово! – восхищенно говорит Катя.

– Не то слово! – говорит Анатолий.

Катя, зажав в кулаке вилку, втыкает ее в котлету и поднимает вверх, примериваясь, с какого бока укусить.

– Прекрасные манеры! – язвительно говорит бабка. – Дети воспитаны безукоризненно.

– Кушай, кушай, дочуш! – в присутствии жены Анатолий сразу переходит на шутивно-ироничную манеру. – Еще намучаешься с этим политесом.

– Ш чем? – спрашивает Катя с полным ртом.

– Да ну, действительно, Толь, – говорит Светлана. – Что вы как маленькие? Катя! Сядь нормально!

Катя, глядя на мать, откусывает от котлеты большой кусок.

Ранен.

– И положи котлету в тарелку!

Катя смотрит в окно, сосредоточенно жуя, потом кусает еще.

Ранен.

– Катя! Ты слышишь, что я тебе говорю?!

Катя молча жует. Вова смотрит на мать.

– Девочки, не ссорьтесь, – это Анатолий.

– Никто и не ссорится, я просто прошу Катю есть по-человечески.

Катя безучастно смотрит в окно.

– Катя!!

Ранен. Четырехпалубный?

Катя смотрит в тарелку, потом поднимает голову на мать.

Молча смотрит, потом опять принимается за еду. Светлана растерянно взглядывает на Анатолия.

Убит.

– Спасибо, – тихо и никому говорит Вова.

Вылезает из-за стола и скрывается в глубине дома.

Светлана вскакивает и, не придумав, как грамотно отступить, быстро уходит с террасы во двор.

Через окна видно, что она хватается ведра, которые стоят рядом с крыльцом на деревянной лавке, выливает из них воду в железную бочку и идет с ведрами за калитку.

Вот теперь из-за стола выходит и Катя. Она тоже идет к калитке. На улице, с мрачным торжеством обернувшись на мать, отправляется в противоположную сторону.

Она идет туда, куда ей нельзя одной и даже вдвоем с Вовой. Но теперь только там она может добиться справедливости. А дорогу она знает, здесь ничего особенного: по бетонке до конца, потом через поле – дорожка не очень мокрая, пшеница еще не созрела, а в июле будет скрывать ее с головой. Через плотину, направо, направо – и вот она, длинная

дорога между высокими заборами. Главное – не разговаривать ни с кем посторонним.

– Дядя Костя! – кричит она почти от калитки.

– Дядя Костя! – зовет она, подходя к дому. Дверь не закрыта.

В глубине дома радио поет «Это наша с тобою судьба, это наша с тобой биография...». Жужжит оса, стучаясь об оконное стекло.

Она поднимается на второй этаж.

– Дядя Костя!

Дядя Костя спит на диване, сильно и тяжело дыша, рядом на полу валяется газета «Советский спорт». На столе, застеленном скатертью, поет транзисторный приемник с длинной антенной, в стакане с серебряным подстаканником недопитый чай. В вазочке с медом возится оса. Особенная тишина всегда стоит в комнате со спящим человеком и особое настроение: ты один, но как бы не один. Можно рассмотреть спящего так хорошо, как никогда не рассмотришь бодрствующего. Катя подходит к дяде Косте и внимательно смотрит на него. Ну, в общем, ничего нового. Еще можно исследовать дом и вещи. Застекленную полку – медицинские справочники и немного детективов. Платяной шкаф – дверца скрипит, не открыть. Этажерку: наверху – зеркало, пониже – много пузырьков. Катя берет один, самый красивый, и пытается его открыть. Пузырек выскальзывает и падает на пол. Он не разбивается, но шумное дыхание дяди Кости прерывается. Он

поворачивается на бок. Очки соскальзывают с лица, проезжают по подушке, останавливаются. Радио допело, плачут позывные. Катя нагибается за пузырьком, и там, на нижней полке, как раз на уровне ее глаз, – красивый альбом. Батюшки мои, это марки. Самолеты, животные, картины! А дальше – и вовсе чудеса. Школьные дневники! Старые, посеревшие. На ладонях остаются пыльные следы. Дальше грамоты, вместе с ними вытискивается фотография: на фоне развернутого знамени – бритый налысо мальчик в школьной курточке.

– Катя? – слышит она голос дяди Кости.

День генерального сражения

Когда Лева был маленький, он часто спрашивал у Татьяны, где его папа. Она отвечала: «Он с нами не живет». Это было плохим ответом (потому и спрашивал, что с нами не жил), но сбивало Леву с толку и на какое-то время нейтрализовало – пока он не научился обходить мамину казуистику вопросом «Почему папа с нами не живет?». Но она справи-лась и здесь – отвечала: «Он не живет с нами давно». Лева спрашивал не об этом, но вроде бы получал ответ, хоть и не на свой вопрос. Он отставал. Со временем ему надоело сражаться с маминой изворотливостью, и он перестал задавать вопросы.

Левиным папой был совсем молодой человек. Когда Лева появился на свет, папе едва исполнилось девятнадцать. А маме тридцать два.

Об этой истории надо было строго-настрого молчать. Леви-папа был учеником Гнесинской школы, а мама – его концертмейстером. Он играл на скрипке, она аккомпанировала.

Конечно, он начал первый, а в восемнадцать лет не думают дальше сегодняшнего вечера. Татьяна была добрая и понимающая, он жил в Гнесинском интернате и скучал по маме, оставшейся в Екатеринбурге. По папе, живущем во Фрунзе («он не живет с нами давно»), он не скучал.

Но Татьяна-то о чем думала, принимая его ухаживания.

Возможно, о том, что ей тридцать один и у нее никого до сих пор не было. Они оба были невинны и мечтали о любви. Конечно, не сексуальный, а простой жизненный опыт мог бы ей подсказать, куда ведут подобные истории. Но любви хотелось сильнее. Мальчик был красивый, с большими глазами и вьющимися волосами, высокий, худой, талантливый, и было даже непонятно, почему он не нашел себе какую-нибудь девочку. Ну, не нашел – и слава богу.

Мама жила на даче, Татьяна с мальчиком готовились к выпускным и вступительным экзаменам, много занимались. Влюбленная и вдохновленная, она помогала не только ему, но и его друзьям, тоже выпускающимся-поступающим струнникам. Тем летом с ними образовалась удивительная дружба. Они были полны надежд, и она тоже, хоть и на свое. И так, на волне надежды, почти все успешно поступили, и мальчик тоже. Уехал домой, а потом не выдержал и вернулся. В общежитие еще не заселяли, он нашел Татьяну, которая бестолково слонялась по пыльной Москве, не в силах уехать на дачу и вообще не понимая, что ей теперь делать. Она оставила его у себя в квартире («а я – на дачу»). Но ни на какую дачу не уехала. Две ночи они гуляли по Москве, взявшись за руки, потом – и вот тут уже ее откровенная вина – она как-то так умудрилась сделать, что они поцеловались, и целовались еще сутки. В восторженной панике она позвонила своей хорошей подруге – секретарю в учебной части. Той было восемьдесят два, но она мыслила и поступала разумнее

многих. Подруга сказала: «Мальчик молодой, полный сил, что ты ему нервы мотаешь». К сожалению, сугубый реализм подруги перевесил собственное Татьянино ощущение, что с интимом надо повременить. Она решительно уложила его в постель в ту же ночь. Всё получилось, и он даже не понял, что для Татьяны это было так же ново, как и для него. Но вот позже, когда они расставались, он предъявил ей счет за свою поспешно оскорбленную невинность. Впрочем, он тогда все хорошее редактировал до противоположности.

Роман продолжался два с половиной месяца. Конечно, мама обо всем узнала. «Ты понимаешь, что это ненадолго?» – спросила она Татьяну. «Конечно! – ответила Татьяна, не исключая, что вдруг навсегда. – Сколько ни будет – всё мое». «Ну-ну», – сказала мама. Но она истосковалась по любви для дочери не меньше самой дочери, поэтому лишь молилась о том, чтоб не узнали. Хотя формально он уже не был школьником, и восемнадцать исполнилось, но тем не менее.

Август был прекрасен. Потом стали съезжаться поступившие одноклассники и новые ребята. В сентябре он разрывался между ней и увлекательными хлопотами, которыми всегда полна сентябрьская жизнь первокурсника. Она очень ревновала его ко всем девочкам, все время старалась куда-то увезти, один раз даже в Загорск. Впечатление от поездки осталось смутное. Обоим казалось, что в электричке все на них смотрят и всё понимают, потом ему неожиданно почудились мамы московские знакомые, он убежал в соседний вагон и

сидел там до самого Загорска. В лавре они и вовсе растерялись, потому что только здесь Татьяна сообразила, что, строго говоря, их связь не совсем моральна. Она не была уверена, что верит в Бога вот прямо так буквально, но «что-то там такое есть» никто не отменял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.